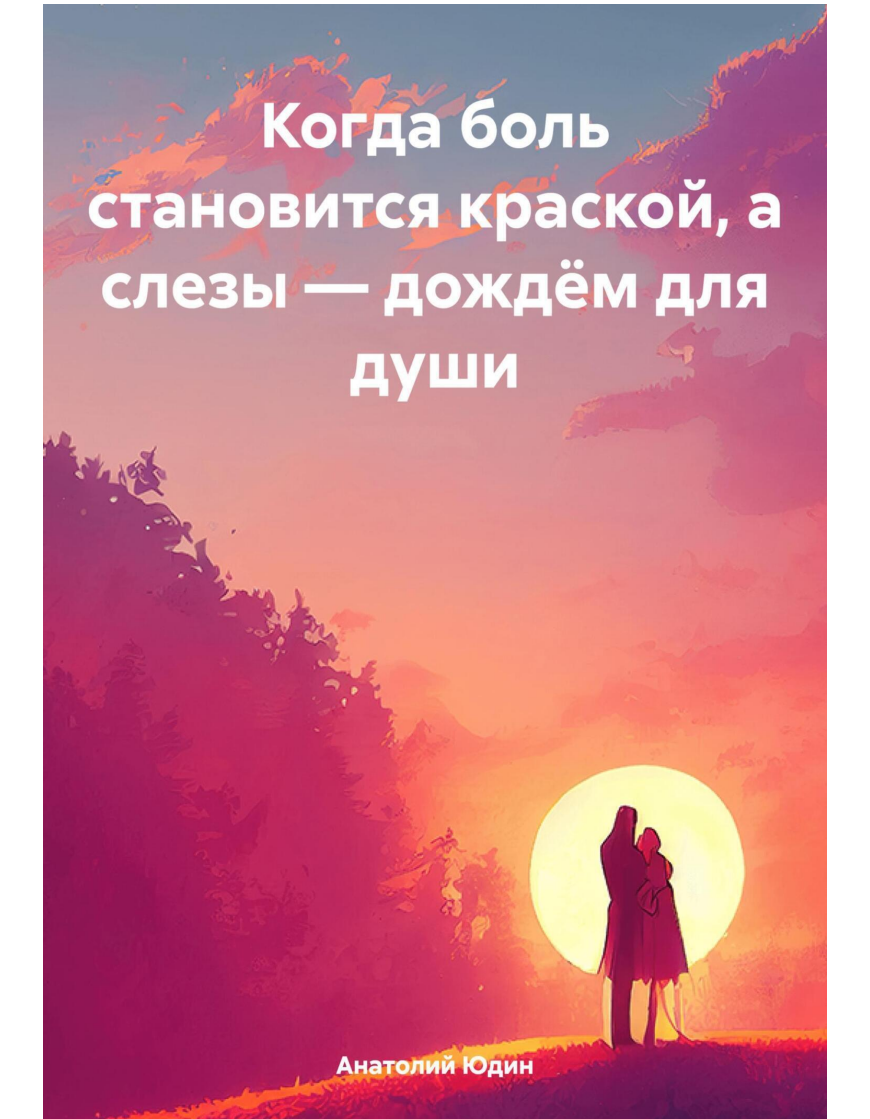

**Когда боль
становится краской, а
слезы — дождём для
души**

Анатолий Юдин

Анатолий Юдин

Когда боль становится краской, а слезы – дождём для души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71882089

SelfPub; 2025

Аннотация

Этот сборник – не просто истории. Это бережные диалоги с теми, кто ищет свет в туннеле утраты, одиночества или отчаяния. Через призму магического реализма и метафор вы отправитесь в путешествие, где:

– Природа шепчет надежду полярными сияниями и цветами, пробивающимися сквозь асфальт.

– Искусство становится мостом между мирами: кисти оживляют память, а мел на асфальте рисует новые пути.

– Люди, сломленные горем, учатся дышать снова – благодаря случайным встречам, детской искренности и силе маленьких шагов.

Здесь вы не найдёте готовых рецептов счастья. Зато обнаружите, что боль можно превратить в краски, сплести из потерь колокол надежды и найти опору в неожиданных моментах.

Для кого эта книга?

Для тех, кто верит, что исцеление – это не отсутствие ран, а мужество сделать их частью своей истории.

Для тех, кто готов зажечь свет в чужом окошке – и увидеть его отблеск в своём.

«Иногда достаточно одной фразы, чтобы трещина в душе стала пропускать звёздный свет»

Содержание

Вечное цветение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анатолий Юдин

Когда боль становится краской, а слезы – дождём для души

Каждая книга из этого сборника — это росток, пробившийся из трещины между «что было» и «что могло бы быть». Когда я начинал писать эти истории, я не знал, куда приведёт меня река из метафор. Я лишь чувствовал, что трещины в душах моих героев — не разломы, а швы, скрепляющие их с миром.

Вечное цветение

Введение

В мире, где трещины в бетоне становятся руслами для корней, а боль обретает голос через краски и глину, разворачивается история, сотканная из теней и света. Зброшенный кирпичный завод, застывший в тисках времени, хранит в

своих стенах больше, чем ржавчину и воспоминания. Здесь, среди ржавых труб и осколков прошлого, прорастает эхинацея – хрупкий алый бутон, ставший символом того, как раны превращаются в цветы.

Это история Марка, чья жизнь была разорвана потерей брата, и Лизы, чьи кисти умели оживлять даже камни. Их встреча – не случайность, а закономерность, словно сама Всевая сшила их души нитями боли и надежды. Вместе они учатся читать язык шрамов: сыпь на коже, трещины в стенах, молчание реки, унесшей детство. Каждый день становится диалогом с прошлым, где краска залечивает раны, а глина лепит новую реальность.

Переезд в Санкт-Петербург – не бегство, а продолжение пути. Город мостов и белых ночей принимает их не сразу, но постепенно раскрывается, как холст под упрямым мазком. Здесь, среди сырых подвалов и больничных коридоров, они находят силу прорасти сквозь камень, превращая чужое в родное.

Но истинное исцеление приходит, когда они возвращаются туда, где всё началось. Письмо, пролежавшее в стене завода десятилетия, кораблик из пожелтевшей газеты, тихий разговор с призраком брата – всё это звенья цепи, связывающей прошлое, настоящее и будущее. Их дети, Алиса и Степан,

подхватывают эстафету, доказывая, что даже самая горькая память может стать семенем для сада.

«Вечное цветение» – это не метафора, а реальность, выкованная из тысяч моментов: капля дождя на холсте, треска обжигаемой глины, шепота реки, уносящей кораблик в вечность. Это история о том, как боль, принятая и преображённая, становится воздухом, которым дышит новая жизнь. И как в каждом из нас живёт росток, способный пробиться сквозь любую трещину.

Глава 1: Тени под кожей

Марк проснулся от того, что воздух в комнате стал густым, как сироп. Сквозь щели в шторах пробивались острые лучи июньского солнца, режущие глаза, будто напоминая: сегодня годовщина. Годовщина того дня, когда Давид, его брат, растворился в мутных водах реки, оставив после себя только сандалию на берегу и незаживающую рану в груди Марка. Он потянулся к прикроватной тумбе, где стояла фотография: они с Давидом, двенадцать лет назад, смеющиеся на фоне старого кирпичного завода. Теперь это место стало его убежищем – и проклятием.

Кожа на запястьях чесалась, как всегда, по утрам. Марк не глядя натянул рубашку с длинными рукавами, скрывающую сыпь, которая появлялась каждый раз, когда он вспоминал о брате. Врачи называли это психосоматикой. Он называл наказанием.

Заброшенный кирпичный завод встретил его тишиной, нарушаемой лишь шорохом сухих трав, пробивающихся сквозь трещины в асфальте. Марк шёл по знакомому маршруту: мимо ржавых труб, из которых ветер выдувал мелодии, похожие на плач, мимо груды битой керамики, где они с Давидом когда-то искали «сокровища» – осколки плитки с узорами. Теперь эти осколки впивались в подошвы, словно пытаясь удержать его здесь, в прошлом.

В углу двора, под стеной, покрытой граффити с надписью «Мы всё ещё живы», Марк заметил нечто новое – росток. Тонкий, почти прозрачный стебель тянулся к солнцу, увенчанный бутонем цвета обожжённой глины. Он присел на корточки, касаясь пальцем хрупкого растения.

– Не трогай!

Голос заставил его вздрогнуть. Из-за груды кирпичей вышла девушка в комбинеzone, перепачканном краской, с корзинкой в руках. Её волосы, цвета спелой пшеницы, были со-

браны в беспорядочный пучок, а в глазах горел огонь, который Марк не видел в себе уже годы.

– Это эхинацея, – сказала она, поправляя очки в роговой оправе. – Редкий вид здесь. Если повредишь корни – погибнет.

Марк отдернул руку, будто обжёгся.

– А ты кто? Садовник-призрак?

– Лиза. – Она улыбнулась, и в уголках её глаз собрались лучики морщинок. – Художница. Ищу вдохновение в... – она оглядела ржавые трубы, – в умирающем.

Он хотел уйти, но Лиза уже рылась в корзинке, доставая лейку с водой.

– Поможешь полить? У меня заняты руки.

Марк не понял, почему взял лейку. Может, из-за того, как её пальцы, испачканные зелёной акварелью, коснулись его ладони. Или потому, что в её голосе не было жалости – только любопытство.

Следующие дни стали ритуалом. Марк приходил на завод,

находил Лизу у ростка, который она назвала Агатом, и молча помогал: носил воду из ржавой бочки, отгонял жуков, пока она рисовала. Её альбом заполнялся эскизами: Агат, пробивающийся сквозь бетон; ржавые трубы, похожие на скелеты великанов; его собственные руки, замершие в нерешительности над растением.

– Почему ты здесь? – спросил он однажды, наблюдая, как она смешивает краски – кроваво-красную и мертвенно-серую.

– Ищу историю, – Лиза провела кистью по бумаге, создавая шторм из мазков. – Каждое место дышит. Даже такое. Особенно такое.

Она повернулась к нему, и солнце поймало золотые нити в её волосах.

– А ты почему здесь?

Марк сжал кулаки, чувствуя, как под рубашкой начинает зудеть сыпь.

– Это не твоё дело.

– Значит, твоё дело – прятаться? – её голос звучал мягко,

без упрёка. – Агат, видишь ли, тоже прятался. Пока не решил расти.

Он хотел огрызнуться, но в этот момент её рука коснулась его запястья, отодвигая рукав. Багровые пятна обнажились, и Марк замер, ожидая отвращения. Но Лиза лишь провела пальцем по воспалённой коже, словно читая рельеф, как карту.

– Боль – это голос, – прошептала она. – Она хочет, чтобы её слышали.

Той ночью Марку приснился Давид. Они стояли на берегу реки, но вода была красной, как акварель Лизы.

– Она права, – сказал Давид, его голос звучал сквозь шум воды. – Ты закопал нас обоих здесь.

Марк проснулся с криком. На столе, куда он бросил перед сном эскиз Лизы, лежал осколок кирпича с надписью: «Прости».

Утро началось с дождя. Марк бежал к заводу, не чувствуя, как холодные капли впиваются в кожу. Лиза уже была там, накрыв Агат прозрачным куполом из полиэтилена.

– Он не боится дождя, – засмеялась она, увидев его. – Но я боялась, что ты не придёшь.

Они укрылись под навесом, где Лиза разложила термос с чаем. Марк не помнил, когда в последний раз говорил так много – о Давиде, о чувстве вины, о том, как сыпь появлялась каждый раз, когда отец говорил «Ты должен был его спасти». Лиза слушала, рисуя в блокноте круги – спирали, которые постепенно складывались в цветок.

– Смотри, – она показала рисунок. Из центра спирали росла эхинацея, её лепестки были из фраз: «Прости себя», «Дыши», «Я здесь».

– Это... – Марк не нашёл слов.

– Твоя история, – Лиза прижала ладонь к его груди. – Она хочет быть рассказанной.

Он поцеловал её. Внезапно, неловко, чувствуя, как сыпь под рубашкой затихает, будто отступая перед теплом её губ. Лиза ответила не сразу – секунда, вечность – потом её пальцы вплелись в его волосы, и дождь за окном перестал существовать.

Агат зацвёл в ту ночь. Алые лепестки раскрылись под лу-

ной, а в центре, вместо тычинок, блеснул крошечный кулон – половинка сердца из обожжённой глины. Лиза повесила его Марку на шею.

– Теперь ты часть его истории, – улыбнулась она.

Он не знал, что ответить. Но впервые за пять лет июньский воздух не пахнул смертью. Он пах дождём, краской и надеждой.

Глава 2: Корни и Крылья

Солнце поднималось над кирпичным заводом, окрашивая ржавые трубы в медные тона, словно пытаясь вдохнуть жизнь в то, что давно считалось мёртвым. Марк стоял у стены с граффити, разглядывая новый рисунок Лизы – огромные крылья, прорастающие из трещины в бетоне. Каждое перо было выписано с такой детализацией, что казалось, вот-вот взметнётся в небо. У основания крыльев она изобразила Агата: его алый бутон теперь раскрылся, обнажив сердцевину, похожую на миниатюрное солнце.

– Нравится? – Лиза появилась из-за угла, неся в руках две жестяные кружки с дымящимся кофе. Её волосы были рас-

пущены, и ветер играл прядями, запутывая их в кистях, висящих на поясе.

Марк взял кружку, пряча улыбку. За неделю их странно-го ритуала – встречаться на рассвете у Агата – он привык к её внезапным появлениям. Привык и к тому, как его сердце сжималось каждый раз, когда она смеялась.

– Ты рисуешь, как будто пытаешься спасти это место, – сказал он, указывая на крылья.

– Или освободить, – она присела на корточки, поправляя защитную сетку вокруг растения. – Агат ведь тоже когда-то был семенем, застрявшим в трещине. А теперь... – Лиза коснулась лепестка, и тот дрогнул, роняя каплю росы.

Марк почувствовал, как под рубашкой заныла сыпь. С тех пор как Лиза вошла в его жизнь, пятна стали появляться реже, но боль острее – будто тело сопротивлялось исцелению.

– Расскажи о нём, – Лиза повернулась, её глаза ловили его взгляд, не давая уклониться. – О Давиде.

Он отпрянул, словно её слова были раскалённым железом. Кофе расплескался, оставляя тёмные пятна на бетоне.

– Зачем?

– Потому что он здесь. – Она указала на стену, где среди граффити мелькали едва заметные буквы: «Д+М», выцарапанные когда-то детской рукой. – И потому что ты носишь его в себе, как камень.

Марк сжал кулаки. Воздух стал густым, как в тот день на реке. Он видел всё снова: Давид, смеющийся, бросается в воду. Сандалия, оставшаяся на берегу. Крик, который он не успел издать...

– Я не могу, – выдохнул он, отступая.

– Можешь, – Лиза встала, преграждая путь к отступлению. – Иначе зачем ты приходишь сюда каждый день? Не ради Агата. Ради того, чтобы убежать.

Его ладони вспотели. Сыпь на спине запылала, но в этот момент Лиза взяла его руку и прижала к стене – туда, где крылья сливались с трещиной.

– Боль – это не враг. Это компас. Он показывает, где спрятана правда.

Марк закрыл глаза. И заговорил.

Они просидели до полудня, пока солнце не стало палящим. Марк рассказывал, а Лиза рисовала – её карандаш скользил по бумаге, превращая слова в образы. Давид на берегу реки с удочкой. Их тайный побег на завод, чтобы спрятаться от отца-алкоголика. Последний день, когда брат исчез, а Марк замер, парализованный страхом, вместо того чтобы прыгнуть вслед.

– Я должен был его спасти, – голос Марка прервался. – Но я...

– Ты был ребёнком, – Лиза положила блокнот на колени. На последнем рисунке она изобразила двух мальчиков: один тонул в реке из алых мазков, другой стоял на берегу, его тело обвивали чёрные ленты.

– Виноват не ты. Виновата река. Виновато время. Виноват страх. – Она провела пальцем по лентам. – Но ты до сих пор позволяешь им душить себя.

Марк вскочил, сбивая кружку. Кофе растекся, повторяя очертания острова на пыльном полу.

– Ты ничего не понимаешь! – крикнул он, чувствуя, как сыпь расплзается по шее. – Ты пришла сюда со своими

красками и думаешь, что можешь всё исправить? Это не твоя боль!

Лиза не отступила. В её глазах не было страха – только грусть.

– Нет. Но если ты поделишься ею, она станет меньше.

Он хотел убежать, но ноги предали. Марк рухнул на колени, содрогаясь от рыданий, которые копились годами. Лиза обняла его, несмотря на сопротивление, и её пальцы впитали соль его слёз, как бумага впитывает чернила.

Агат зацвёл в ту ночь. Марк, вопреки всему, вернулся на завод под покровом темноты. Лунный свет серебрил лепестки, превращая их в хрупкие крылья. У корней растения он нашёл блокнот Лизы – открытый на странице, где она нарисовала их обоих: он, держащий лейку, она, смеющаяся с кистью в руке. Внизу было написано: «Страх – это не конец. Это начало истории, которую ты ещё не рассказал».

Он не слышал, как она подошла. Лиза стояла в пижаме, закутанная в клетчатый плед, и смотрела, как он гладит пальцем строки.

– Я не хотела причинить боль, – сказала она.

– Ты её причиняешь, – Марк поднял голову. – Но, кажется, это единственный способ, которым я могу дышать.

Они сидели до рассвета, плечом к плечу, слушая, как ветер играет в трубах. Лиза рассказывала о своём детстве – о матери, умершей от рака, о годах в приюте, о том, как рисование стало её спасением.

– Каждая картина – это письмо тем, кого нет, – прошептала она. – Может, поэтому я ищу истории в таких местах. Чтобы напомнить миру, что даже в руинах есть жизнь.

Марк взял её руку. Шрам на её запястье – тонкий, как паутинка – был похож на его сыпь.

– Ты рисуешь, чтобы забыть?

– Чтобы помнить. – Она повернулась к нему, и их лица оказались в сантиметре друг от друга. – И чтобы те, кого мы любим, не исчезли навсегда.

Он поцеловал её. Медленно, осторожно, боясь, что она рассыплется, как сон. Но Лиза ответила – её губы были тёплыми, сладкими от карамели, которую она вечно сосала. Ветер подхватил лист из блокнота, унося в небо рисунок с кры-

льями.

Утро началось с сюрприза. Лиза привела Марка в дальний угол завода, где ржавые трубы образовывали подобие арки. Под ней, на земле, лежал холст размером с стену, залитый красками всех оттенков синего.

– Это твоя река, – сказала она, вручая ему кисть. – Перепиши её.

Он колебался. Сыпь под одеждой горела, будто предупреждая: не трогай прошлое. Но Лиза взяла его руку и провела первую линию – извилистую, как русло.

– Не бойся. Я с тобой.

Они рисовали весь день. Синяя река обрастала деталями: мальчики на берегу, не уток, а кораблики из газет; солнце, сплетённое из лепестков Агата; крылья, поднимающие Давида из воды. К вечеру Марк, истощенный, рухнул на землю, глядя на их творение.

– Он свободен, – прошептала Лиза, обнимая его со спины. – И ты тоже.

Он почувствовал, как что-то лопнуло внутри – старый

шрам, затянутый страхом. Сыпь утихла, оставив лишь лёгкий зуд.

– Спасибо, – он повернулся к ней, стирая синюю краску с её щеки. – За то, что не сбежала.

– Я ведь тоже учусь, – она улыбнулась, прижимая его ладонь к своему сердцу. – Доверять.

Ночью Марк остался на заводе. Он сидел у Агата, слушая, как Лиза вполголоса напевает мелодию, которой её учила мать. Внезапно из темноты донесся скрежет – будто кто-то волочил цепь.

– Ты слышал? – Лиза насторожилась.

Они подошли к арке с рисунком. Ветер трепал холст, но сквозь краски проступало что-то иное – тень, похожая на мальчика. Давид.

– Марк... – голос был едва слышен, как шелест листьев. – Пора отпустить.

Лиза сжала его руку. Марк шагнул вперёд, касаясь холста. Тень рассыпалась на синие брызги, а на месте реки осталось лишь чистое полотно.

– Он прав, – прошептал Марк. – Мы закончили.

Утром они нашли у Агата новый бутон – белый, как невинность. Лиза сорвала его и вплела в волосы Марка.

– Теперь ты часть этой истории. Навсегда.

Он не знал, что будет завтра. Но впервые за долгие годы июньский воздух пах не смертью. Он пах дождём, краской и возможностью начать всё сначала.

Глава 3: Лепестки и обещания

Солнце садилось за кирпичный завод, окрашивая небо в оттенки абрикоса и лаванды. Марк стоял под аркой, где когда-то они с Лизой переписали реку его прошлого, и сжимал в кармане крошечную коробочку. В ней лежало кольцо – не золотое, а керамическое, вылепленное из глины завода и обожжённое в печи, которую они вдвоём восстановили прошлой осенью. В центре сверкал осколок синего стекла, найденный у корней Агата. Лиза называла его «осколком неба, упавшего, чтобы напомнить о высоте».

Он глубоко вдохнул. Воздух пах дождём и краской – Лиза где-то рядом, вероятно, дополняла новый фресковый портрет Агата, разросшегося теперь в целую клумбу. За три года их странное убежище преобразилось: ржавые трубы опутали выющиеся розы, граффити слились с мозаикой из битой плитки, а в центре двора, под защитой стеклянного купола, цвели десятки эхинацей – алых, белых, лиловых. «Сад воспоминаний», – называла его Лиза. Здесь, среди цветов, они хоронили прошлое: фотографии Давида, письма от отца, который так и не простил себя, осколки страхов Марка.

– Ты опять замер, как столб? – Голос Лизы донёсся сверху. Она балансировала на стремянке у стены, подрисовывая крылья огромной бабочке, чьи узоры повторяли её собственные татуировки. – Помоги лучше плитку подать. Зелёную, из новой партии.

Марк ухмыльнулся. Именно так всё и начиналось – её приказы, его подчинение, которое всегда вело к чему-то прекрасному. Он подошёл к ящику с керамическими фрагментами, выкрашенными в оттенки летней листвы, и выбрал несколько, напоминающих лепестки.

– Держи. – Он протянул плитки, стараясь не смотреть ей в глаза. Боялся, что она сразу прочтает в них тревогу.

Лиза спустилась, оставляя на его ладони следы краски – золотой и терракотовой. Её волосы, теперь укороченные до плеч, были перепачканы в гипсе, а на шее красовался кулон – вторая половинка глиняного сердца, подаренного Марком в день, когда он впервые сказал «люблю».

– Спасибо. – Она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в щёку, но он отвернулся, делая вид, что поправляет рукав. Сыпь, почти исчезнувшая за эти годы, вдруг напомнила о себе – не болью, а холодком под кожей. Страх.

– Марк? – Лиза нахмурилась, пристально изучая его лицо. – Что-то случилось?

– Нет. Просто... устал. – Он поспешно отошёл к Агату, который теперь был могучим кустом с десятком бутонов. Последний раз они цвели в день годовщины Давида. Марк погладил лист, ощущая шершавую поверхность. Он бы одобрил?

Ночью Марк проснулся от крика. Не своего – Лизы. Она металась во сне, вцепившись в подушку, бормоча: «Не уходи...». Он обнял её, прижимая к груди, пока дрожь не стихла.

– Снова тот сон? – спросил он, когда её дыхание выров-

нялось.

Лиза кивнула, уткнувшись лицом в его шею.

– Мама... она вела меня через поле. Но вместо цветов – осколки. А потом... – Голос её сорвался.

– Я здесь, – прошептал Марк, целуя её висок. – Я никуда не денусь.

Она усмехнулась сквозь слёзы:

– Знаешь, я ведь до сих пор боюсь, что всё это сон. Что однажды проснусь в приюте, а тебя...

– Я реальнее, чем твои краски, – он провёл пальцем по её запястью, где татуировка в виде эхинацеи обвивала шрам. – И прочнее кирпича.

Они смеялись, пока рассвет не начал размывать границы ночи. Марк не спал, размышляя о коробочке в ящике стола. Завтра, – поклялся он себе.

Утро началось с дождя. Лиза, вопреки погоде, танцевала по двору завода, раскрашивая новую стену – абстракцию из спиралей, которые, по её словам, символизировали «беско-

нечность в моменте». Марк наблюдал из-под навеса, попивая кофе и строя планы. Агат, кажется, читал его мысли: бугорки трепетали, будто готовые раскрыться.

– Марк! – Лиза махнула кистью, брызгая синей краской в лужу. – Помоги с верхним сектором. Там ветка мешает.

Он вздохнул, отставляя кружку. Стремянка шаталась на сырой земле, но Лиза, как всегда, игнорировала опасность.

– Слезай, я сам...

– Не-ет, – она протянула ему кисть с фиолетовой краской. – Ты должен добавить свой штрих. Здесь. – Она указала на центр спирали – пустое место, похожее на сердцевину цветка.

Марк взобрался, чувствуя, как дрожат ступеньки. Дождь стучал по крыше, смешиваясь с запахом свежей краски. Он коснулся кистью стены, но рука дрогнула, оставив кляксу.

– Не думай, – Лиза обняла его за талию сзади, прижимаясь щекой к спине. – Просто доверься.

Он закрыл глаза и провёл линию – изогнутую, как река из их общего рисунка. Потом ещё одну. Краски смешивались,

рождая новые оттенки. Когда он открыл глаза, на стене сиял цветок, чьи лепестки были из отпечатков их пальцев.

– Прекрасно, – прошептала Лиза. – Это... мы?

Марк повернулся, всё ещё держа кисть. Дождь стихал, и сквозь тучи пробился луч солнца, осветив её лицо. В этот момент он понял: время пришло.

– Лиза... – Он спустился, беря её руки в свои. – Здесь, среди всего, что мы построили...

– Марк? – Она замерла, глаза расширились.

Он достал коробочку. Керамическое кольцо сверкнуло синим, словно вобрав в себя всё небо, которое они когда-то спасли из трещин.

– Стань моей семьёй. Моей вечной историей.

Дождь перестал. Даже ветер затаил дыхание. Лиза смотрела на кольцо, потом на Марка, и вдруг рассмеялась – звонко, как весенний ручей.

– Ты... ты сделал его сам?

– Из глины завода. И стекла Агата. – Он улыбнулся, нервно потирая запястье. Сыпь молчала.

Лиза протянула руку, и он надел кольцо. Оно идеально село.

– Да, – сказала она просто, обнимая его. – Тысячу раз да.

Их поцелуй был сладким, как первый глоток воздуха после долгого нырка. А когда они оторвались, Агат раскрыл все бутоны разом, и в воздухе закружились лепестки, словно природа сама осыпала их благословением.

Свадьбу сыграли под аркой из роз. Лиза была в платье, сшитом из кусков старых картин – каждый лоскут рассказывал их историю: синяя река, крылья, спирали. Марк, в рубашке с вышитыми эхинацеями, дрожащей рукой надел ей на палец второе кольцо – серебряное, с гравировкой «Корни и крылья».

Гости – несколько друзей из художественной коммуны Лизы и коллеги Марка из мастерской керамики – танцевали под гитару, чьи струны звенели в такт сверчкам. Когда стемнело, они с Лизой выпустили в небо фонарики, сделанные из бумаги с их старыми эскизами.

– Для Давида, – сказал Марк, наблюдая, как огонёк растворяется в звёздах.

– И для мамы, – добавила Лиза, сжимая его руку.

Ночью, когда гости разошлись, они остались на заводе. Агат, теперь окружённый гирляндами, благоухал, смешивая аромат с запахом дыма от костра. Лиза прижалась к Марку, слушая, как он напевает мелодию, которую она когда-то учила его.

– Знаешь, я сегодня нашла кое-что, – она достала из кармана смятый тест. Две полоски светились в темноте, как малячки.

Марк застыл. Воздух сгустился, как в далёком июне, но на этот раз не от боли – от переполнявшего сердце восторга.

– Мы... это...

– Агат будет старшим братом, – Лиза рассмеялась, смахивая слёзы.

Он прижал ладонь к её животу, всё ещё плоскому, но уже священному. Под пальцами билось будущее – хрупкое, как росток, и сильное, как любовь, прошедшая сквозь толщу бе-

тона.

– Я обещаю... – голос Марка сорвался.

– Знаю, – Лиза прикрыла его губы своими. – Ты уже сдержал все обещания.

Через месяц они нашли новый росток у подножия Агата – крошечный, с листьями, похожими на звёзды. Лиза назвала его Алисой.

– В честь мамы? – спросил Марк, поливая растение из лейки, которую они хранили как реликвию.

– В честь нас. – Она положила его руку на свой живот. – Алиса – значит «благородная». А ещё... это анаграмма слова «сила».

Он рассмеялся, обнимая её. Воздух пах дождём, краской и бесконечностью.

Глава 4: Мосты и Отражения

Санкт-Петербург встретил их дождём. Не тем яростным

ливнем, что вымывает дороги, а мелким, назойливым, словно сеть из серебряных нитей. Марк стоял на перроне Московского вокзала, прижимая к груди картонную коробку с Агатом. Растение, укутанное в плёнку, походило на ребёнка в коконе. Лиза, держа за руку двухлетнюю Алису, смотрела на небо, где купола Казанского собора терялись в тумане.

– Здесь даже дождь красивый, – прошептала она, подставляя ладонь под капли. – Как акварель, размытая временем.

Алиса потянулась к луже, отражавшей фонари, но Марк подхватил её на руки.

– Поехали, – сказал он, стараясь звучать уверенно. – Наш дом ждёт.

Квартира на Петроградской оказалась крошечной, с окнами во двор-колодец. Но Лиза уже рисовала в воздухе планы:

– Здесь поставим мольберт... А тут – твой гончарный круг... Алиса будет спать за ширмой, пока мы...

– Лиза, – Марк осторожно поставил Агата на подоконник. – Мы не на заводе. Здесь даже вентиляция не работает.

Она замолчала, обнимая себя за плечи. В её взгляде

мелькнуло что-то знакомое – страх, который они оба считали похороненным. Санкт-Петербург, с его громадой камня и воды, вдруг показался чужим.

– Папа, смотри! – Алиса тыкала пальцем в стену, где трещина в штукатурке образовывала силуэт, похожий на крыло.

– Видишь? – Лиза присела рядом с дочерью, доставая из сумки мелок. – Это ангел. Давай его раскрасим.

Марк отвернулся. В горле стоял ком – не от грусти, а от стыда. Они продали завод, чтобы оплатить переезд. Предали ли они память Давида?

Первые недели стали чередой теней. Марк обивал пороги мастерских, предлагая керамику с эхинацеями – но в городе Фаберже и фарфора его грубые изделия казались архаичными. Лиза, с животиком, округлившимся к пятому месяцу второй беременности, пыталась писать этюды на набережной, но ветер с Невы рвал бумагу. Даже Агат чахнул, сбрасывая листья в такт их настроению.

– Может, вернёмся? – спросил Марк однажды ночью, глядя, как Лиза растирает мёдом опухшие ноги.

Она замерла. В темноте светились только её глаза и экран

телефона с объявлением: «Требуется художник для росписи детской больницы. Опыт работы с травами и ресайклингом».

– Ты можешь это, – сказал он, прочитав её мысли. – Ты создала сад из ржавых труб.

– Но здесь... – она провела рукой по стене, где трещина-ангел теперь сиял золотом. – Здесь всё другое.

– Мы тоже другие. – Марк положил руку на её живот, чувствуя толчок. – Он верит в нас.

Детская больница имени Святой Ольги располагалась в старинном здании с облупленными колоннами. Лиза, стоя перед главным входом, сжимала папку с эскизами: эхинацеи, сплетённые с питерскими мостами, дети, летящие на крыльях из медицинских масок.

– Вы Лисавета Морозова? – Из дверей вышла женщина в белом халате, с лицом, изрезанным морщинами улыбки. – Я главный врач, Анна Викторовна. Покажите, что придумали.

Лиза разложила рисунки на ступенях. Дождь пытался смыть краски, но Анна Викторовна вдруг рассмеялась:

– Боже, да вы же рисуете надежду!

Контракт подписали за час. Лиза выбежала на улицу, где Марк катал Алису на плечах, и закричала:

– Они хотят, чтобы я оживила стены! Чтобы дети видели красоту даже здесь!

Марк подхватил её, кружа под ажурным фонарём. Алиса смеялась, хватая капли дождя, которые вдруг перестали казаться холодными.

Роспись стала инсайтом. Лиза работала по ночам, когда палаты затихали. Она превращала коридоры в сады: капельницы становились стеблями цветов, окна – аквариумами с золотыми рыбками, а на потолке операционной расцвел лотос из светодиодов. Марк помогал, таская краски и укачивая Алису в соседней комнате.

– Вы ведь понимаете, – как-то сказала Анна Викторовна, наблюдая, как Лиза рисует ребёнка, запускающего бумажный кораблик по нарисованной Неве, – что ваше искусство лечит не хуже таблеток?

– Я просто вспоминаю, – ответила Лиза, закрашивая трещину на стене крылом чайки, – что даже в бетоне есть жизнь.

Марк нашёл своё место случайно. В подвале дома, где они снимали квартиру, обнаружилась заброшенная печь — реликт блокадных времён. Хозяин, старик с лицом, как у Дориана Грея, разрешил использовать её за ремонт помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.